Автор: admin
07.11.2008 16:19 -

Девочка и степь

Сизый свет люминесцентных ламп свивался узкими колечками и, пачкаясь о грязные стены, осыпался на линолеум мертвой шелухой. «В некоторых местах концентрация боли настолько высока, - думала Яна, - что воздух кажется жалящим и злым, точно рой голодных пчел.»

Девочку положили в больницу насильно. Как Яна ни умоляла, как ни плакала... от ее слез отгораживались осторожным «все будет хорошо» и спокойно готовились совершить над ней еще большее надругательство, чем то, которому она подверглась несколько недель назад. Что она могла сделать? Несовершеннолетний человек — игрушка в руках сурового мира взрослых.

Она почти ничего не помнила. Только грубые руки, хватающие ее, обратившуюся в беспомощный комочек страха... бессилие и боль. Все казалось гнусным эпизодом из чьей-то чужой жизни, подсмотренным ненароком в замочную скважину.

Бывает, что случайно увиденное становится твоим, ранит память, жестоко и остро, как вспарывает горло проглоченный осколок стекла. И тогда сознание срывается в пустоту.

Яне стали сниться сны, в которые все настойчивее вторгались не ее переживания. Болезненные и грязные, они пронзали, как молния, выжигающая траву до серого пепла и похищающая краски у луговых цветов.

Как-то раз девочка проснулась посреди ночи. Окно было распахнуто в утыканную горошинами звезд пустоту, из него тянуло сквозняком. А на подоконнике сидела крупная, взъерошенная птица. Яне померещилось — белая ворона, но, приглядевшись, она поняла, что голубь. Огромный голубь, окутанный светом.

Ее вдруг бросило в жар. Стало горячо и душно, звезды сухо вспыхнули, точно бенгальские огни. А окружавшая птицу световая аура отделилась от нее и устремилась к Яне, охватила ее нежным объятием, мягко затекла под тонкое одеяло. Девочка ощутила тепло и тяжесть внизу живота, и еще что-то неуловимо яркое, как будто в глубине ее тела поселился крошечный огонек, похожий на заблудившееся в черных водорослях отражение звезды. А странный голубь вспорхнул и растворился в слабо серебрящемся небе.

После той ночи сон Яны сделался спокойным и легким, в него больше не вползали уродливые кошмары. Потому что теперь у нее внутри горел свет, а все черное и злое бежит от настоящего света.

И вот это у нее хотели отнять! Слово «аборт» прозвучало, как смертный приговор. Взрослые не соизволили ее даже выслушать. Что?! Родить в четырнадцать лет? От подонка-соседа, изнасиловавшего ее в подъезде? Да все понятно, от шока у девчонки помутился рассудок. Она забыла, кто она, где и что произошло, и бредит библейскими легендами.

Яна боялась, что операцию ей сделают сразу, но вот уже молочно-золотые сумерки сгустились за окнами палаты, а к растерзанной страхом девочке так никто и не приходил. Больница окунулась в тишину, такую плотную, что казалось, будто уши заложило ватой.

А когда совсем стемнело, зажглись слабо гудящие лампы, одна под потолком, другая — над умывальником, у зеркала. Зеркало — расколовшееся от времени — было похоже на омут с мутно-желтой водой, и лампочка упала в него блеклой тенью искусственной луны.

Яна накинула халат поверх длинной ночной рубашки и выскользнула в коридор. Густо-красный полумрак смотрел на нее глазами неродившихся детей. Стены, впитавшие в себя призраки убитых, выгибались от ненависти, грозя обрушиться и отрезать путь к бегству. Если бы дверь больничного корпуса оказалась заперта, Яна вылетела бы цикадой в окно или юрким муравьем просочилась сквозь неплотно замазанные щели.

Больница находилась на вершине холма. С одной стороны лежал город в ожерелье хрустальных огней, золотыми змеями извивались широкие ленты дорог, глуповато поблескивали зеленые маячки уличных фонарей. Манили ласковым человеческим теплом.

Но вернуться к людям Яна не могла, по крайней мере до тех пор, пока не родится «он» - ее сын. Как странно было произносить это слово, даже мысленно. Давно ли она баюкала на руках кукол, писала в школьной тетрадке наивные девчачьи сочинения о любви? Сейчас любовь лилась на нее прозрачным потоком с разлинованного яркими клеточками созвездий неба, теплым паром поднималась от медленно остывающей земли.

Есть в мире вещи, о которых не следует задумываться, потому что они не стоят ни единой нашей мысли. К таким вещам относится будущее.

Яна спустилась с холма с другой стороны. Ее обутые в больничные тапочки ноги утонули в жесткой траве. Голова закружилась от влажного запаха цветов, от холодного ветра, от пьянящего ощущения падения и полета. До самого горизонта простиралась степь, пустая и черная, грозная, как ночной океан.

Может ли девочка выжить в открытом море? Способен ли выжить человек, не построивший вокруг себя стен, не отгородившийся от неба хитроумными конструкциями из черепицы, дерева и бетона?

Яна знала, что до рассвета ей нужно уйти как можно дальше... но она устала, выбилась из сил. На что она надеялась? Здесь негде спрятаться. Через несколько часов взойдет

солнце и ее найдут. Ей хотелось исчезнуть, раствориться в темных, с тусклыми серебряными барашками волнах. Лечь навзничь, и пусть ее тело прорастет травой, заколосится метелочками ковыля, затуманится облаками белых анемонов.

Но, стать землей — это все равно, что умереть. Может ли мертвое выносить в себе живое? Под тонким слоем мягкого дерна, среди сплетения корней спят семена растений. Крепко спят, чтобы когда-нибудь пробудиться, прорасти, потянуться к солнцу. Но не из такого семени взращивает Яна свое дитя.

В степного зверька — вот в кого она желала бы превратиться. Человеческий зародыш должна омывать теплая кровь, а не холодные соки земли.

Яна опустилась на четвереньки, чувствуя, как покрываются пушистым золотым мехом ее руки, нет, не руки — лапы. Как грациозно и хищно выгибается спина, а вокруг острым частоколом стремительно растут вверх черные стебли травы.

Маленький зверек, отдаленно напоминающий ласку, в мерцающей шубке из тонкого лунного волокна жил в норе под большим валуном, у самого края степи. Питался полевками и саранчой и знал... нет, знала, что совсем рядом, за поросшим желтыми свечками зверобоя холмом есть город людей, в который ей однажды предстоит вернуться. Но вернуться не одной.

Конечно, Яну искали. С собаками и с вертолетов. И в городе разыскивали, и в степи. Объявляли по радио, расклеивали портреты пропавшей девочки на фонарных столбах, прочесывали тупиковые переулочки, подвалы и подворотни. Но никто не искал похожего на ласку хищного зверька, под золотисто-бежевой шкуркой которого билось человеческое сердце.

Прошло семь месяцев. Степь перезимовала под снегом. Впитала талые воды, зазеленела хрупкими всходами. Просыхая от весенней сырости, клубился белесым паром старый валун. И та, что нашла под ним кров, нежилась в теплых лучах мартовского солнца. Лениво охотилась на жирных ящериц, а после заката забиралась под камень и спала, свернувшись клубочком на сухой подстилке из душистых трав.

Так и жила, пока однажды жестокая боль не выбросила ее из уютной норки, снова превратив в девочку Яну. Ее человеческое тело оказалось обессиленным и истощенным, исцарапанным степными колючками и продрогшим от ночной росы. Изорванная одежда висела на нем клочьями.

Молодая трава сонно серебрилась, точно облитая ртутью. Что это было? Комета или вспышка сверхновой? Мертвое ночное солнце стояло в зените, заливая степь жестким белым сиянием.

Яна корчилась от боли, слабея с каждым часом, нет, с каждой минутой. Что-то пошло не так. У нее темнело в глазах, серебряный воздух дробился на липкие фрагменты и рассыпался кровавой мозаикой.

А как же свет, который она хотела принести людям? Ее мальчик...сын... он мог бы спасти этот несчастный мир.

Ребенок рвался наружу, бился, как плененная птица, ломая прутья своей клетки, отчаянно боролся за жизнь.

Если бы рядом находился хоть кто-нибудь, акушерка, врач... они, наверное, сумели бы помочь. И тогда все могло закончиться по-другому. Но вокруг не было никого и ничего, кроме мокрой травы, и холодной земли, и стеклянного неба над головой.

За изогнутый горизонт, пробитый неровными всполохами рассвета, закатилась большая белая звезда.